

Содержание

ISSN 2587-8190

Артем Трофимов. Многоязычие в литературной культуре петровской эпохи: «Епиникион» Феофана Прокоповича	335
Виолетта Арстанова. Записки Е. А. Сушковой (Хвостовой): К вопросу об объективности источника	354
Алексей Балакин. Из комментариев к «палладским» текстам И. А. Гончарова	364
Мария Лихинина. Историческая проза и романтическая историография: Образ Ивана Грозного в творчестве Н. И. Костомарова	372
Владимир Емельянов. Древняя Месопотамия в творчестве Сергея Прокофьева	391
Наталья Маркова. «Патмос» Б. К. Лившица и мистическая философия Я. Бёме	415
Юлия Козицкая. Конструирование автобиографического нарратива в творчестве советского национального писателя: Повесть «Мои мектебы» Сабита Муканова	429

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2018 XIV (4)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2018 (4)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2018

© «Летняя школа по русской литературе», 2018

Информация об авторах

Виолетта Арстанова, аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
violette_91@mail.ru

Алексей Балакин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
balakin@inbox.ru

Владимир Емельянов, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
banshur69@gmail.com

Юлия Козицкая, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
y.kozitskaya@gmail.com

Мария Лихинина, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
maria_sarana@mail.ru.

Наталья Маркова, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
natellen16@gmail.com

Артем Трофимов, студент Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
artem_trofimov_9@mail.ru

МАРИЯ ЛИХИНИНА
(Санкт-Петербург)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА И РОМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Образ Ивана Грозного в творчестве Н. И. Костомарова

Статья посвящена сравнительному анализу образа Ивана Грозного в историческом и художественном нарративах на материале нескольких статей Н. И. Костомарова и его романа «Кудеяр». Также рассматривается генезис образа Ивана IV в работах историка.

Ключевые слова: Н. И. Костомаров, Иван IV Васильевич (Иван Грозный), нарратив, сюжет, персонаж.

The article is devoted to the comparative analysis of the character of Ivan the Terrible in historical and literary types of narrative. As a material, several historical essays by N. I. Kostomarov and his novel «Kudeyar» are used. The article also considers the formation of the image of Ivan IV in the works of the historian.

Key words: N. I. Kostomarov, Ivan IV Vasilyevich (Ivan the Terrible), narrative, plot, character.

DOI 10.26172/2587-8190-2018-14-4-372-390

Николай Иванович Костомаров (1817 – 1885) принадлежит к числу представителей романтической историографии — направления, одной из главных целей которого было описание народности как уникального явления и определение национальной идентичности через такое описание.¹ Историки-романтики (О. Тьерри, Ф. Гизо, Ж. Мишле и другие) достигали этой цели посредством изучения материальных проявлений народного духа, таких как язык, фольклор и быт. Костомаров посвятил этим аспектам несколько

¹ В использовании термина „романтическая историография“ мы следуем за Б. Г. Реизовым, который выделил ряд признаков, характерных для работ некоторых представителей этого направления. См.: *Реизов Б. Г. Французская романтическая историография (1815–1830)*. Л., 1956.

крупных работ, в том числе свою магистерскую диссертацию „Об историческом значении русской народной поэзии“ (Харьков, 1843) и монографию „Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях“ (СПб., 1860). „Всякое внешнее явление имеет основание в духовном нашем мире; нам хочется знать, почему у русских сложились такие, а не иные правила быта“, — писал историк в одной из программных статей.¹ Л. Ф. Тарновский называет Костомарова одним „из основоположников и теоретиков украинского романтизма“,² Н. Н. Алеврас отмечает, что идеи ученого, „несомненно, имели окраску романтической историографии“.³

Стремясь доказать активность роли народа в историческом процессе, раскрыть взаимосвязь частных и общих причин и событий, дать психологический портрет исторической личности и установить мотивы ее поступков, ученый регулярно обращался к этнографическому и фольклорному материалу при написании исторических статей и очерков. По собственному признанию, уже в юности он „пришел к убеждению, что историю нужно изучать не только по мертвым летописям и запискам, а и в живом народе“.⁴

Установки романтической историографии и политические взгляды самого Костомарова — он был сторонником федеративного государства — определили интерес к идее национально-освободительной борьбы. В концепции Костомарова первым этапом противостояния монархическому

¹ *Костомаров Н. И.* Об отношении русской истории к географии и этнографии // Собр. соч.: Исторические монографии и исследования. СПб., 1903. Кн. 1. Т. 3. С. 723.

² *Тарновский Л. Ф.* Литературная деятельность Н. И. Костомарова: Тезисы дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1948. С. 1.

³ *Алеврас Н. Н.* Н. И. Костомаров в многообразии творческих замыслов: предчувствие „культурной истории“ // Траектория в сегодня: Россыпь историко-биографических артефактов: (К юбилею проф. И. В. Нарского). Челябинск, 2009. С. 53.

⁴ *Костомаров Н. И.* Автобиография // Костомаров Н. И. Литературное наследие: Автобиография. Стихотворения. Сцены. Исторические отрывки. Малорусская народная поэзия. Последняя работа. СПб., 1890. С. 28.

режиму стало формирование национальной идентичности, необходимость которого обосновывалась несправедливостью внутренней политики монархов.¹ Отчасти поэтому Костомаров уделяет большое внимание анализу политики Ивана Грозного, предоставляющей богатый материал для подобного исследования.

Реконструируя историю народа, Костомаров показывает характер взаимодействия народных масс и правящей элиты, важнейшим элементом которого является реакция народа на политические события. „По Н. Костомарову, недостаточно знать, что такой-то государь издал такой-то указ и в таком-то тексте, когда мы не знаем, как он принимался в умах народа и как действовал на изгибы его жизни“, — писал украинский историк Ю. А. Пинчук.² Разработка образа народа дала возможность не только осветить его историческую роль, но и обогатить повествование удобным механизмом собственной оценки поведения ведущих государственных деятелей. Народная реакция на события внутренней политики в условиях монархического режима идеологически созвучна позиции самого Костомарова как сторонника федеративного государства.

Многие современники Костомарова отмечали художественность его сочинений, имея в виду такие признаки, как занимательность, картинность, живое описание исторических событий: „...он не мог довольствоваться сухим книжным фактом; он всегда чувствовал в себе потребность наглядно изобразить себе этот факт, представить его себе в живой обстановке; исторические события, лица, легендарные чудеса, наконец, мелкие подробности старого быта овладевали его воображением...“³ — пи-

¹ Идею о связи культурной идентичности и политической независимости ученый развивает в следующих работах: *Костомаров Н. И.* Две русские народности // Собр. соч.: Исторические монографии и исследования. СПб., 1903. Кн. 1. Т. 1. С. 31-65; *Костомаров Н. И.* Мысли о федеративном начале в Древней Руси. СПб., 1861.

² Пинчук Ю. А. Слово о Костомарове: (Историографическая концепция ученого) // Костомаровские чтения. Воронеж, 1994. С. 7.

³ Пытин А. Н. Некролог: Николай Иванович Костомаров. 1817–1885 // Вестник Европы. 1885. № 5. С. 421.

шет об ученом А. Н. Пыпин. Такое описание становилось результатом синтеза исторических, фольклорных и этнографических данных, в соединении которых Костомаров видел возможность восполнения лакун в народной истории, остающихся при работе только с летописями или актами.

Нередко увлечение „художественностью“ уводило Костомарова от точного следования документальным фактам. „Конечно, исторические источники не могли полностью удовлетворить автора, поскольку не содержали такого большого количества материала для художественных зарисовок многих известных личностей прошлого“, — писал о работе историка А. В. Ясь.¹ Поэтому иногда в исторических работах Костомаров прибегает к вымыслу. По наблюдению того же исследователя, он „вкладывает в уста действующих лиц монологи и диалоги, которые могли бы быть высказаны в то время, или, по крайней мере, не противоречили известным историческим источникам“.² Проблема вымысла важна в интерпретации сочинений ученого, но мы не будем подробно рассматривать ее в рамках данной статьи, посвященной вопросу сопоставления исторических статей Костомарова с собственно художественными произведениями.

Предметом описания и анализа Костомаров часто избирал переломные эпохи: именно в эти периоды во всей полноте могли отразиться отношения народа и государства. К таким эпохам относится и правление Ивана Грозного, политический режим которого осмысливается историком как опыт взаимодействия правящей элиты и народных масс в режиме абсолютной монархии. Анализируя генезис политики Ивана IV, Костомаров отчасти рассматривает события этого периода как эксперимент правителя над аппаратом государственной власти и над народом, как проверку устойчивости авторитета царского титула и реакции народных масс на

¹ Ясь А. В. История как сюжет: Представление образа Богдана Хмельницкого в одноименной монографии Н. И. Костомарова // Украинський історичний журнал. 2007. № 2. С. 94.

² Там же. С. 94.

ужесточение внутренней политики: „Царь, можно сказать, только сделал пробу, точно ли она так сильна, — и проба вышла удачно“.¹

Костомаров писал об Иване Грозном на протяжении 14 лет, разрабатывая характер царя в исторических статьях и романе. Приведем перечень этих сочинений с указанием года и места издания:

1. О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории (СПб., 1861);

2. Ливонская война (СПб., 1864);

3. Начало единодержавия в древней Руси // Вестник Европы. 1870. №№ 11–12;

4. Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Вестник Европы. 1871. № 10;

5. Царь Иван Васильевич Грозный // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. 2: Господство дома св. Владимира. XV–XVI столетия (СПб., 1874);

6. Кудеяр: историческая хроника в трех частях // Вестник Европы. 1875. №№ 4–6.

Эти сочинения объединяет как изображение Ивана Грозного (детальное в большей или меньшей степени), так и метод совокупного описания истории государства и истории народа. Задача нашей статьи — обнаружить повествовательные приемы, которые использует автор в исторических статьях и романе. Решение этой задачи невозможно без обращения к генезису образа Грозного в сочинениях Костомарова, который мы проследим посредством последовательного анализа указанных источников.

Первая часть статьи посвящена формированию образа Грозного в исторических работах ученого, вторая — сравнительному анализу построения этого образа в статьях об Иване Грозном и романе „Кудеяр“. Проводить анализ исторических сочинений с помощью таких категорий, как сюжет, система персонажей, временная и пространственная

¹ Костомаров Н. И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Собр. соч.: Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 5. Т. 13. С. 448.

организация мира произведения позволяет родство этих двух типов повествования. Х. Уайт выявил присутствие нарративных приемов в историографии: „поскольку язык предлагает множество путей конструирования объекта и закрепления его в образе или понятии, историки располагают выбором модальностей преобразования [figuration], которые они могут использовать, чтобы строить сюжеты событий как выявляющие те или иные смыслы“.¹ Рассмотрим, как формируется образ Ивана Грозного в сочинениях Костомарова и каковы главные отличия в его построении в статьях и романе „Кудеяр“.

В 1861 году с кафедры истории Санкт-Петербургского университета Костомаров читает речь „О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории“. В печатном издании этой обобщающей рецензии он впервые в рамках анализа периода правления Ивана Грозного устанавливает жесткую оппозицию „царь (аппарат государственной власти) — народ“, соотносимую с противопоставлением „строгая иерархия (подразумевающая рабскую зависимость) — вольность“. Эпоха правления Ивана IV характеризуется „безличностью“, противопоставленной „произволу личности новгородской слободы“.²

В работе „Ливонская война“ значение этой оппозиции расширяется. „Правительство“ здесь — не только царь, но также бояре и русское войско; „народ“ — это не русские, а народности, жившие на территориях Ливонии, то есть иностранный народ, народ вообще. Если в рецензии на сочинения Аксакова народ — субъект вольный, здесь он — субъект страдающий: повествование насыщено описаниями казней, гонений и прочих мучений жителей ливонских земель. Ярким примером может послужить нарушение царем договора с Дерптом, результатом которого стало притеснение местных жителей.³ В этом сочинении Костомаров дает первую

¹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. С. 10.

² Костомаров Н. И. О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории. СПб., 1861. С. 5.

³ Костомаров Н. И. Ливонская война // Собр. соч. СПб., 1903. Кн. 1. Т. 3. С. 592.

собственную интерпретацию исторической роли Грозного: это образ отрицательный, противопоставленный коллективному образу народа.

Особенность поэтики очерка — опосредованное изображение царя сквозь призму действий нижестоящих чинов. На протяжении большей части повествования он остается „закадровым“ персонажем, но по его приказу действуют „московские люди“, „московские бояре“, „московское правительство“, „Москва“ и другие лица:

Ратные люди сожигали села, деревни и посады дотла, истребляли хлеб в скирдах и амбарах, загоняли скот в загоны и там его сожигали.¹

Немецкий современник описывает в мрачных красках варварство москвитян. Ни у турок, — говорит он, — ни у каких-либо язычников не найдешь в истории таких отвратительных злодейств.²

Внешняя политика Москвы характеризуется как интервенционная: „склонность к захвату, окрепшая в расширении пределов государства на восток, станет существом московской политики и московских понятий. Правило, какими средствами государство основывается, такими и держится, прилагаться должно было и к ней“.³ Эта идея станет одной из центральных в очерке „Начало единодержавия в древней Руси“.

Очерк посвящен процессу становления русской монархии, в котором, по Костомарову, принимали участие не только царь и бояре, но и народ. Установлению такого режима способствовало совпадение исторических фактов (необходимость укрощения боярских бунтов), личных качеств политического лидера (трусость, кровожадность, развратность, самодурство) и народного характера: „Единодержавие восторжествовало оттого, что за него было народное чувство“.⁴ Народ принимает участие в эксперименте

¹ Там же. С. 568.

² Там же. С. 595.

³ Там же. С. 547.

⁴ *Костомаров Н. И.* Начало единодержавия в древней Руси // Собр. соч. СПб., 1905. Кн. 5. Т. 12. С. 89.

царя, поддерживая его проекты своим поведением: „Иван Васильевич как будто испытывал, до чего могут простираться и произвол его власти, и безгласная покорность народа; оказалось, что и то и другое могло быть безграничным“.¹

В „Начале единой державы“ Костомаров создает первый набросок образа Ивана Грозного. Это личность несамостоятельная во взглядах, лживая, суеверная и мнимо набожная, трусливая и вместе с тем жестокая, стремящаяся к абсолютной монархии, позволяющей всяческий произвол. Этот комплекс черт выражен в повествовании тремя основными способами:

ТАБЛИЦА 1

Способ построения характера	Пример
Прямая оценка нарратора	«Вслед за тем царь Иван Васильевич вступил в тот период своего царствования, который отмечен в истории нашей самым диким, бесчеловечным проявлением самовластия и мучительствами над знатными русскими родами». ¹
Косвенно — через описание поступков персонажа	«...царь ходил в Церковь в шапке, как татарин в мечеть <...> он завел у себя в Александровской слободе подобие монастыря; его опричники и он сам с ними совершали разные монашеские действия по их своеобразному уставу». ²
Косвенно — через введение цитат	«„Питаша его, — говорит Курбский о его воспитателях, — на свою и детей своих беду, ретяшеса друг пред другом, ласкающе и угрождающе ему во всяком наслаждении и сладострастии“». ³

Характер Ивана Грозного в работе „Начало единой державы в древней Руси“ создается преимущественно посредством прямых оценок нарратора, которые подкрепляются примерами и цитатами. В этом очерке образ царя дан

¹ Там же. С. 84.

² Там же. С. 76.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 69.

через хронологическое изложение основных событий правления: детство, вступление на престол, Ливонская война и поход против Крымского ханства, смерть первой жены Анастасии и начало опричнины. В отличие от „Ливонской войны“, изображение Ивана IV в „Начале единодержавия...“ более рельефно; характеристики царя даются посредством описания его действий и решений, а не через оценку действий бояр или войска. Царь „губил“, „казнил“, „мучил“, „утверждал свое полновластие“. Появляются экспрессивные номинации („тиран“, „царь-деспот“), которых не было в предшествующих работах. Однако рассмотреть взаимодействие правителя с народом более пристально не позволяет общая задача этого исследования, поставленная Костомаровым.

Очевидно, что от статьи к статье Костомаров идет по пути все большей детализации образа Ивана Грозного, что сопровождается появлением резких оценок личности правителя. От почти безличного образа царя, „спрятанного“ за толпой войска и бояр, историк приходит к характеру, обладающему определенным комплексом черт. Этот комплекс с небольшими вариациями будет переходить в последующие работы Костомарова, в которых он вплотную займется проблемой личности и исторической роли царя.

В работе „Личность царя Ивана Васильевича Грозного“ историк создает полный, разработанный характер правителя, каждая черта которого получает обоснование через связь с определенным историческим событием (образование опричнины, новгородские расправы, казни и обряды Грозного в Александровской слободе, бегство царя во время Крымского нашествия 1571 года и т. д.). Меняется система персонажей: образ царя расположен в центре и оттенен другими героями. Характер Грозного проявляется в конфликтах с Курбским, Сильвестром, Девлет-Гиреем, разбойником Кудеяром.

Для повышения степени достоверности центрального характера Костомаров использует прием оценки одного явления разными персонажами (в том числе и самим царем). Историк расширяет материал, привлекая переписку Грозного

с Курбским, выступления царя перед зарубежными послами и его завещание. Часто нарратор вступает в полемику с высказываниями Грозного, обличая царя в необоснованных амбициях или лжи:

„Если бы — пишет царь Иван Курбскому — не ваше злобное преткание было, то бы, за Божиею помощью, едва не вся Германия была за православием“. Уже этой одной выходки достаточно, чтоб видеть, как широко размахивались мечтания царя Ивана о своем могуществе и как узко было у него понимание настоящих потребностей своей страны.¹

...в его духовном завещании мы встречаем признаки той, так сказать, исторической лжи, которая почти нигде не покидала царя Ивана в его писаниях и речах.²

Большую роль в построении образа царя играет повышение (по сравнению с характеристикой Грозного в предыдущих работах) экспрессивности оценок повествователя. Номинации приобретают более резкий характер: царь называется „тираном“, „сумасбродным тираном“, „кровожадным тираном“, „эгоистом“; его характеризуют „фальшивое смирение“, „гнусное лицемерство“, „алчность“. Экспрессивность текста повышается также посредством отбора и намеренного скопления явлений одного порядка:

Царь Иван рубил головы, топил, жег огнем своих ближних слуг: народ не роптал, не заявлял ужаса и неудовольствия при виде множества казней, совершаемых часто всенародно.³

В „Личности царя Ивана Васильевича Грозного“ Костомаров выходит за рамки конкретного образа, сравнивая его с Нероном. Такой правитель с детства извращен в понятиях и привычках; в начале царствования ему посчастливилось оказаться под влиянием мудрых советников, но, избавившись от опеки, он обращается к тирании и бесчинствам; он одержим идеей самовластия, доходящего до деспотии; он трус

¹ Костомаров Н. И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. С. 408.

² Там же. С. 433.

³ Там же. С. 447.

и лжец, склонный к артистическим представлениям; жесток, бессердечен и жаден.

Весь этот комплекс черт копируется Костомаровым в очерке „Царь Иван Васильевич Грозный“ — главе много-томного труда „Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей“, начатого в 1872 году. Ключевое отличие этой главы от предшествующих статей состоит в том, что здесь биографический сюжет выстраивается полностью — от рождения до смерти героя. Такой прием отвечает жанру исторической портретистики, в котором написана „Русская история“, и позволяет Костомарову суммировать все, что было сказано им ранее о Грозном. При этом историк продолжает работать в русле прежней тенденции — усилении резкости оценок, заострении черт характера главного персонажа.

Главу „Царь Иван Васильевич Грозный“ можно условно поделить на две части: изображение характера царя и подробный биографический очерк — фактологическое подтверждение заявленных в первой части черт. Все черты характера героя реализуются здесь посредством введения в текст прямых оценок автора, подкрепляемых примерами и цитатами. И объект, и метод Костомарова достаточно раскрыты в разборе предыдущих исторических статей, поэтому мы не будем останавливаться на этом очерке и перейдем к сравнению образа царя в историческом и художественном нарративах.

Для сопоставления возьмем две последние рассмотренные работы, в которых характер царя дан с наибольшей полнотой, и роман „Кудеяр“ (1875) — последнее обращение Костомарова к периоду правления Ивана Грозного.

Образ Ивана Грозного в романе содержательно соответствует образу, выработанному в исторических статьях. Костомаров с точностью переносит в художественное повествование весь комплекс черт царя: душевная болезнь, несамостоятельность, суеверность, кровожадность, трусость, лживость, самодурство. Однако способы создания характера в статьях и романе отличаются.

Как мы уже отмечали, в исторических работах Костомарова построение характера идет по принципу „оцен-

ка + соответствующий пример“. В романе „Кудеяр“ такие характеристики последовательно заменяются косвенными, опосредованными. В качестве таких приемов выступают:

ТАБЛИЦА 2

Прием	Исторические статьи	Роман
Портрет персонажа	«Личность эта принадлежит к разряду <...> нервных натур». ¹	«Это был сухощавый человек с клинообразною бородкою, с узким лбом и с чрезвычайно живыми, бегающими глазами, в которых трудно было уловить что-нибудь, кроме постоянного беспокойства и нерешительности». ²
Развернутый эпизод	«Многие тираны, прославленные историей за свою кровожадность и вычурные злодейства, принадлежали к таким натурам». ³ «Мучительные казни стали доставлять ему удовольствие: у Ивана они часто имели значение театральных зрелищ; кровь разлакомила самовластителя». ⁴	«Жена кланялась в землю и вопила о пощаде, но от страха не могла произносить связно слов. За нею кланялись дочери, а ребята с плачем ползали по земле. — Вот, мы начнем с дочерей твоих, — сказал царь. — Повесьте их вверх ногами и распилите пополам. <...> — Ребят малых в печь! — заревел царь. <...> вслед за тем двое опричников держали за руки хозяина Тютеева, двое раскрыли ему рот, а Мамстрюк по царскому приказанию из глиняного горшочка влил ему в рот расплавленного олова. <...> Царь любовался его судорогами». ⁵

¹ Костомаров Н. И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. С. 415.

² Костомаров Н. И. Кудеяр: Историческая хроника в трех книгах. СПб., 1882. С. 8.

³ Костомаров Н. И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. С. 416.

⁴ Костомаров Н. И. Царь Иван Васильевич Грозный // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1912. Кн. 1: Господство дома св. Владимира: X–XVI столетия. С. 369.

⁵ Костомаров Н. И. а Кудеяр: Историческая хроника в трех книгах. С. 265–266.

Продолжение таблицы 2

Прием	Исторические статьи	Роман
Ход сюжета	«...мы сомневаемся, чтоб он когда-нибудь действовал самостоятельно, и думаем, что этот государь всю жизнь находился под влиянием то тех, то других». ⁶	«В эту минуту ударили в колокол. То был благовест к вечерне. — Слышишь, благочестивый царь, — сказал Сильвестр, — слышишь глас церкви во утверждение словес моих. Звон повторился. — Внимай, о царю, — говорил Сильвестр торжественным тоном, — в сем звуке слышится слово: аминь! внимай, царю! Царю, под обаянием речей Сильвестра, в самом деле послышался “аминь” в звоне колокола». ⁷
Задача оценки события персонажу	“Но в то же время, готовясь убежать от русского народа, Иван нашел предлог досыта удовлетворить своей кровожадности и совершить над русским народом такое чудовищное дело, которому равного мало можно найти в истории”. ⁸ (Далее следует описание казней в Новгороде и Пскове).	«Наши гонцы, ездившие в Москву, привезли нам верные вести, что московский государь стал лют, зол и кровожаден, рубит головы, вешает, топит и мучит слуг своих неизреченными муками. Он сделался подобен разъяренному тигру». ⁹

Различается и способ введения черт характера Ивана Грозного в повествование, и распределение их в тексте. В двух последних исторических работах („Личность царя Ивана Васильевича Грозного“ и „Царь Иван Васильевич Грозный“) весь комплекс черт заявлен сразу на первой стра-

¹ Костомаров Н. И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. С. 398.

² Костомаров Н. И. Кудеяр: Историческая хроника в трех книгах. С. 113.

³ Костомаров Н. И. Царь Иван Васильевич Грозный. С. 390.

⁴ Костомаров Н. И. Кудеяр: Историческая хроника в трех книгах. С. 215.

нице, и последующие их повторы обусловлены тем или иным эпизодом биографии персонажа. В романе появление отдельных составляющих характера Ивана Грозного мотивировано скорее общей композицией произведения: они складываются в систему повторов, подталкивающих читателя к сопоставлению эпизодов, в которых они явлены. При втором и последующих повторах степень выраженного качества, как правило, усиливается. В качестве примера можно привести сравнение двух портретов Ивана Грозного из первой и второй книг романа:

ТАБЛИЦА 3

Первая книга, I глава	Вторая книга, IV глава
«Это был сухощавый человек, с клинообразною бородкою, с узким лбом и с чрезвычайно живыми, бегающими глазами, в которых трудно было уловить что-нибудь, кроме постоянного беспокойства и нерешительности». ¹	«На бороде не было ни одного волоска, из-под шапочки также не видно было волос, глаза его страшно и как будто непроизвольно бегали из стороны в сторону, губы дрожали, голова тряслась. Он шел, сгорбившись, переваливаясь с боку на бок и опираясь на железный посох». ²

Другим примером может послужить сравнение эпизодов охоты в селе Тайнинском и свирепств Ивана в Новгороде:

Первая книга, IV глава	Третья книга, III глава
«Царь тешился, глядя, как лисица, со свойственною ей хитростью, увертывалась от собак, обманывала их, метаясь в разные стороны, ускользя от роковых зубов в то время, когда собака готова была уже схватить ее за хвост». ¹	«...к саням привязаны были истерзанные женщины; руки у них привязывались сзади к ногам, а к узлу, соединявшему руки и ноги, прицепляли младенцев их; Иван ехал с этим поездом и тешился воплем страдальцев». ²

В обоих эпизодах действие происходит на выезде (смена локации — редкое явление для костомаровского Ивана

¹ Костомаров Н. И. Кудеяр: Историческая хроника в трех книгах. С. 8.

² Там же. С. 249.

³ Костомаров Н. И. Кудеяр: историческая хроника в трех книгах. С. 77.

⁴ Там же. С. 387.

Грозного, а потому маркирующее необычность, важность события); фрагменты соотнесены словом „тешился“, которое встречается в романе лишь дважды. Когда в сознании читателя эти эпизоды становятся эквивалентны, атмосфера сцены охоты приобретает зловещий оттенок. Такое приращение смысла происходит только в контексте романа, а повтор портрета или эпизода дает эволюцию характера. В этом смысле построение образа Грозного в статьях и романе можно обозначить как „синхронное“ и „диахронное“ соответственно.

Сюжетная линия Ивана Грозного в исторических сочинениях и романе различается главным образом по признаку непрерывности — дискретности. В статьях этот сюжет непрерывен. Это обусловлено жанром исторического портрета, который задает централизацию повествования вокруг одной личности и не допускает обширных отступлений на посторонние темы. В романе сюжетная линия Грозного дискретна и не является центральной. Цепь событий, в которых ведущая роль принадлежит царю, переплетена с сюжетной линией другого главного героя, разбойника Кудеяра. Кудеяр собирает против царя народное войско из крестьян, разбойников и беглых солдат; такое развитие сюжета позволяет Костомарову представить реакцию разных слоев общества на внутреннюю политику Ивана Грозного. Эта сюжетная композиция выражает одну из основных идей Костомарова-историка о необходимости изучать историю государства и историю народа в совокупности. Если в статьях отступления, посвященные народной истории, носят характер второстепенных, то в романе они перемещаются из области периферии к центру. Во многом — помимо сюжета — это достигается перестройкой системы персонажей.

В персонажном мире двух исторических очерков Иван Грозный занимает центральную позицию и не имеет персонафицированного оппонента. Тем не менее, в основе системы персонажей лежит последовательное противопоставление двух групп героев, точкой отсчета которого является образ царя. Персонажи разделяются на „гонителей“ (царь, опричники) и „гонимых“ (князья, бояре, духовные лица, простые люди из народа) — оппозиция, впервые заявленная

в „Ливонской войне“. Одна из особенностей исторических статей — многочисленность персонажей: Костомаров приводит списки-перечни придворной знати, казенных бояр, опричников.

В романе количество героев существенно сокращается, а система персонажей подвергается перестройке: ясная бинарная оппозиция заменяется многочленной системой противопоставлений. Динамика сюжета создается реализацией нескольких оппозиций, заданных в первых главах романа: Иван Грозный — Кудеяр / Девлет-Гирей / Вишневецкий / Курбский и братья Адашевы; Сильвестр — Бомелий — Левкий. Каждый из „оппонентов“ Ивана Грозного представляет собой некую часть общества по принципу синекдохи: Грозный — Московское государство, Вишневецкий — Украина, Девлет-Гирей — Крымское ханство, Сильвестр, Левкий — духовенство, братья Адашевы, Курбский — московская знать, Урман и Окул — разбойники. Кудеяр связан с Украиной (он воспитывался в семье украинского казака, позже стал служить под началом Вишневецкого), русским простым народом (поднимает восстание против Ивана Грозного, выражая волю некоторых групп населения) и царским родом (в финале романа Кудеяр оказывается двоюродным братом царя). Характеры всех героев строятся теми же способами, что и характер царя: при помощи портрета, сюжета, оценок других персонажей; по частотности эпизодов их активности и сюжетной роли они сопоставимы с Иваном Грозным, чего нет в исторических статьях. Таким образом, в романе Костомаров как бы выравнивает систему персонажей согласно своему замыслу, избирая для каждой группы персонажей наиболее ярких ее представителей и сталкивая их друг с другом. Применение этого метода существенно сокращает количество персонажей (по сравнению с историческим нарративом), в то же время вынуждая нарратора создавать психологический портрет (а иногда и предысторию) каждого героя. Стратегию перестройки персонажной системы можно определить как замену количественного принципа на качественный.

Временные границы повествования также редуцируются. Если в серии исторических портретов повествование

о Грозном открывается поверьем, сопровождавшим момент его рождения, и завершается сценой смерти царя, то романский сюжет начинается с описания придворного раскола в ноябре 1557 года, когда одна из партий склоняла царя к войне с Ливонией, другая — с Крымским ханством. Последнее историческое событие романа — пожар Москвы 1571 года.

Сокращение временных рамок сопровождается расширением пространственных границ. В исторических статьях основным местом действия является Кремль, иногда пространственная точка зрения нарратора смещается в Новгород, Псков, Тверь. Пространственные координаты вводятся в текст соответственно изложению биографии Грозного и не имеют никакой другой смысловой нагрузки кроме прямого указания на место действия. В романе элементы описываемого пространства (Кремль, село Тайнинское, Александровская слобода, Крымское ханство, южнорусская степь) получают определенную семантическую нагрузку и на ее основе вступают в оппозиции. Рассмотрим одну из них, наиболее яркую — противопоставление Ивана Грозного крымскому хану Девлет-Гирею как несправедливого правителя справедливому. Иван представлен как монарх, стремящийся к абсолютной власти, а Девлет-Гирей всегда советуется с курилтаем; Грозный выдает пленника крымскому хану, а тот, в свою очередь, не выдает Кудеяра как своего подданого; самодурство русского царя противопоставляется мудрости крымского правителя; Кудеяр при дворе Девлет-Гирея получает богатство и сан, в слободе Ивана Грозного терпит нравственные и физические мучения (страдает от тиранических приказов царя и смерти жены). Такая оппозиция не могла быть выстроена в рамках исторического нарратива ввиду отсутствия подтверждающих ее исторических фактов.

Отношения с пространством становятся одной из характеристик персонажей, позволяющих осмыслить их в рамках предложенных Ю. М. Лотманом оппозиций замкнутого — разомкнутого пространства.¹ К примеру, если Иван Грозный —

¹ *Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб., 2016. С. 286.*

герой Кремля, то его главный оппонент Кудеяр — герой степи, герой дороги. Такое художественное переосмысление категорий времени и пространства позволяет уйти от построения повествования вокруг биографии одной личности и предоставить просторное поле деятельности персонажам-представителям народа.

Сохраняя в романе весь комплекс черт характера Ивана Грозного, разработанный в исторических статьях, Костомаров меняет тип сюжета и перестраивает систему персонажей, художественно переосмысляет категории времени и пространства, наделяя последние дополнительной смысловой нагрузкой. Следствием этих изменений становится смещение характера Ивана Грозного с позиции абсолютного центра повествования и противопоставление его в первую очередь разбойнику Кудеяру (эти оппозиции, создаваемые художественными средствами, не могли получить аргументированного обоснования в исторических работах).

Таким образом, романная форма позволяет Костомарову реализовать весь потенциал вымысла, который отчасти уже был воплощен в исторических статьях об Иване Грозном (например, придуманные им речи персонажей). В романе „Кудеяр“ автор разрабатывает собирательный образ народа в противопоставлении его правящей элите. При нехватке архивных материалов такой образ невозможно было построить в исторических статьях, требующих фактологической точности по законам этого нарратива. В общем контексте творчества историка, с учетом его стремления описать историю народа и склонностью к фантазии можно считать обращение к жанру романа финальным этапом многолетней работы Костомарова по изучению эпохи Ивана Грозного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Алеврас Н. Н.* Н. И. Костомаров в многообразии творческих замыслов: предчувствие „культурной истории“ // Траектория в сегодня: Рассыпь историко-биографических артефактов: К юбилею профессора И. В. Нарвского. Челябинск, 2009. С. 48–67.
2. *Антонович В. Б.* Н. И. Костомаров как историк // Киевская старина. 1885. № 5. С. XXVI–XXXIII.

3. *Костомаров Н. И.* Литературное наследие: Автобиография. Стихотворения. Сцены. Исторические отрывки. Малорусская народная поэзия. Последняя работа. СПб., 1890.
4. *Костомаров Н. И.* Кудеяр: Историческая хроника в трех книгах. СПб., 1882.
5. *Костомаров Н. И.* Собр. соч.: Исторические монографии и исследования. СПб., 1903–1906.
6. *Костомаров Н. И.* О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории. СПб., 1861.
7. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1: Господство дома св. Владимира. X–XVI столетия. СПб., 1912.
8. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб., 2016. С. 7–374.
9. *Пинчук Ю. А.* Слово о Костомарове: (Историографическая концепция ученого) // Костомаровские чтения. Воронеж, 1994. С. 3–12.
10. *Пыпин А. Н.* Некролог: Николай Иванович Костомаров. 1817–1885 // Вестник Европы. 1885. № 5. С. 411–426.
11. *Реизов Б. Г.* Французская романтическая историография (1815–1830). Л., 1956.
12. *Тарновский Л. Ф.* Литературная деятельность Н. И. Костомарова: Тезисы дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1948.
13. *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.
14. *Ясь А. В.* История как сюжет: Представление образа Богдана Хмельницкого в одноименной монографии Н. И. Костомарова // Український історичний журнал. 2007. № 2. С. 89–106.